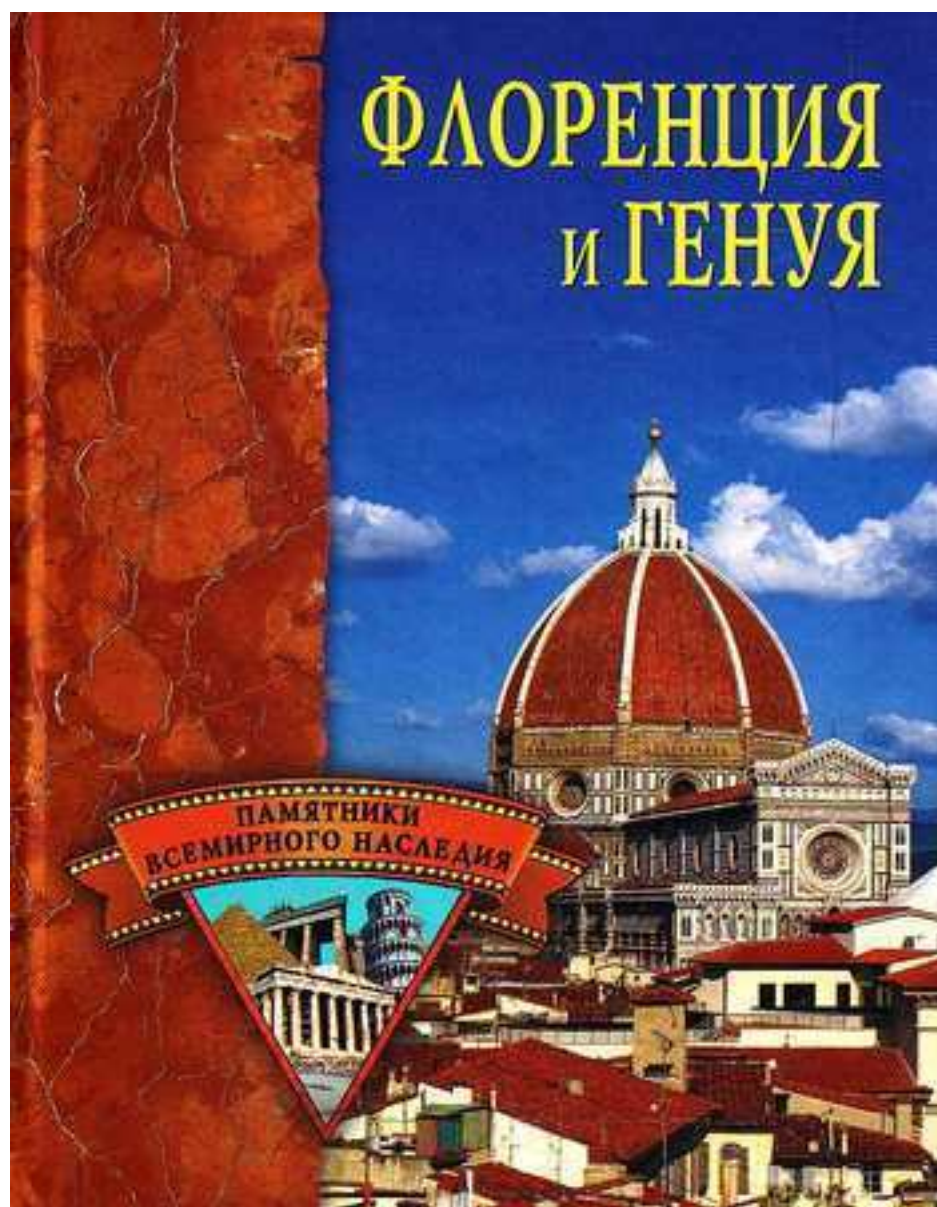

ФЛОРЕНЦИЯ и ГЕНУЯ

Памятники всемирного наследия

Елена Грицак

Флоренция и Генуя

«ВЕЧЕ»

Грицак Е. Н.

Флоренция и Генуя / Е. Н. Грицак — «ВЕЧЕ», — (Памятники всемирного наследия)

Перед автором этой книги стояла трудная задача – вкратце познакомить читателя с городами, которые известны каждому и все же до конца не поняты никем, даже теми, кто в них живет. Оба города, кстати, совсем не похожие друг на друга ни внешне, ни по сути, слишком часто представлялись в литературе, поэтому найти что-то новое в их истории и культуре оказалось практически невозможным. Впрочем, выход нашелся: форма описания была заимствована у историков Ренессанса, то есть тех, кто рассказывал о Флоренции и Генуе, не подозревая об их величии. Автор данного издания о нем не только подозревает, но и знает наверняка, поэтому рассказ о событиях, некогда происходивших в столицах Тосканы и Лигурии, сопровождается восторгами, без которых немыслимо представление этих в самом деле прекрасных городов.

Содержание

Введение	5
Флоренция	6
От рождения до ренессанса	7
Милый Сан-Джованни	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Николаевна Грицак

Флоренция и Генуя

Введение

Я выскажу смело и открыто все, что знаю...
Никколо Макиавелли

«Художнику, когда он рисует пейзаж, нужно спуститься в долину, чтобы охватить взглядом горы и подняться в горы, чтобы увидеть всю долину. Также и в политике: распознать сущность народа может лишь тот, кто им управляет – государь, тогда как постичь природу государей дано только тем, кто принадлежит народу». Этими словами Никколо Макиавелли завершил вступление к своему трактату «Государь», который посвятил правителю Флоренции Лоренцо Медичи. Со времени, когда была написана книга и когда судьбу города определяли представители этого рода, прошло около 500 лет. Однако содержащиеся в ней советы актуальны до сих пор как в отношении правления, так и в связи с осмотром достопримечательностей, особенно итальянских, требующих взгляда с разных сторон и, конечно, способности погрузиться в прошлое.

Флоренция

Прежде чем начать прогулку по улицам и площадям тосканской столицы, стоит вспомнить Макиавелли и подняться на холм Сан-Миньято, откуда Флоренция видна целиком как на ладони. Воздух в здешних местах почти всегда сухой и прозрачный, поэтому четко просматривается даже то, что лежит у горизонта, то есть на северо-западе, где долина расширяется, открывая взгляду самую старую часть города – так называемый сакральный центр. Его легко узнать по колоссальному куполу храма Санта-Мария дель Фиоре, стоящего в окружении подобных ему шедевров архитектуры. С северо-востока к старым кварталам подступают Северные Апеннины, в этом месте невысокие, покрытые зеленью, которая вместе с синевой неба усиливает и без того яркую красоту строений.

Вид с холма Сан-Миньято

Впечатление, испытываемое приезжими от обозрения Флоренции, лучше всего выразить словами Чарльза Диккенса: «Сколько красот открывается нам, когда в одно прекрасное утро мы смотрим на нее с высокого холма! Вот она лежит перед нами в освещенной солнцем долине, украшенная извилистой лентой Арно, окаймленная холмами; вот поднимаются среди прекрасной природы ее купола, башни и дворцы, сверкающие на солнце, как золото!».

Ближе к Сан-Миньято, на другой стороне реки Арно, несущей свои воды от города к морю, находятся не слишком большие, но густо застроенные южные районы. Холмы здесь подступают к реке так близко, что для городских построек остается только узкая прибрежная полоса. Границы между оливковыми рощами, хвойными лесами и местными виноградниками, уходящими далеко на юг, навстречу более знаменитым виноградникам Кьянти, отсюда почти незаметны. Зато хорошо видны белоснежные ограды вилл, многие из которых построили те, кто видел возрождение Флоренции в соответствующую эпоху.

От рождения до ренессанса

Среди великих начинаний, свойственных государствам древности и ныне позабытых, не все заслуживает одобрения такого, как обычай основывать города, где люди получали возможность безбедно жить, защищаться, выращивать хлеб и спокойно его собирать. Для держав античных, в частности Рима, это не составляло труда, ибо они имели обыкновение основывать колонии, посылая в завоеванные края поселенцев. С легкостью вкушая дарованные блага, те оказывались более здоровыми и деятельными, чем их «материковые» собратья, проявляли гораздо большую стойкость в обороне и потому быстро размножались. Оттого маленькие поселки-колонии часто превращались в города, как в свое время произошло с этрусскими Фезулами (ныне Фьезоле). На заре своей истории это селение стояло на горе, но когда римляне, завоевав Этрурию и победив карфагенян, обеспечили мир, жителям стало тесно на вершине, и они решили спуститься к берегам Арно.

Древний Фьезоле

Как утверждал Макиавелли, «люди живут в трудных условиях лишь тогда, когда принуждены к этому, если страх перед врагом заставляет ограничиваться обитанием в местах суровых, труднодоступных, укрепленных самой природой. С избавлением от опасности они охотнее селятся там, где естественной защиты нет, зато жить легче и приятней».

В III веке до н. э. на северном берегу реки появилась пристань, к ней причаливали суда с товарами, которые продавались тут же на рынке, окруженном складами, мастерскими, жилыми домами. Через столетие Нижние Фезулы были разрушены и возродились только в середине следующего века, когда Юлий Цезарь (по другой версии, Гай Октавий Август) направил сюда отставных легионеров. Колония получила название Юлия Флоренция, предположительно в честь основателей – великого Цезаря и предводителя колонистов Флорина. Уже к

началу нового тысячелетия населения и построек стало настолько много, что местечко получило право именоваться городом, истинно римским, благо, вторично родившись, он уже не был связан с этрусскими Фезулами.

На заре своего существования Флоренция пережила трудности, связанные со сменой религии и зарождением новой культуры. С III века н. э. горожане, ранее поклонявшиеся Марсу, отвергли языческого бога, избрав своим заступником Иоанна Крестителя. В конце того же столетия архиепископ Миланский Амвросий освятил вновь построенный храм в честь святого Лаврентия, таким образом открыв первую в городе христианскую церковь – в будущем знаменитый собор Сан-Лоренцо, где захоронены почти все представители рода Медичи.

Правильный квадрат (каждая сторона около 0,5 км) античной Флоренции, как и пересекающиеся под прямым углом главные улицы, стал основой совсем другого, уже средневекового города. Однако римская планировка сохранилась и даже сегодня заметна в расположении кварталов, примыкающих к Арно. Окруженная толстыми стенами, Флоренция занимала удобное место на оживленной дороге из Рима в Болонью, соединявшей ее с севером Италии. Путь проходил прямо через город, направляясь по центральной улице к реке, где находилась переправа, на месте которой позже был построен Старый мост (итал. Ponte Vecchio).

О римском прошлом города свидетельствует обилие каменных львов в виде уличной скульптуры

...и железных – в виде дверных ручек

После падения империи Флоренция не раз подвергалась набегам варваров. В V–VI веках ее опустошали остготы, предводительствуемые королями Радагезом и Тотилой. В 541 году тосканскую столицу захватили вестготы, затем пришли лангобарды, с которыми горожанам уда-

лось договориться, сохранив некоторые вольности. При франках им пришлось распрощаться со свободой и значительной частью земель, взамен чего франкский король, а позже император Карл Великий подарил городу несколько каменных построек.

В те времена флорентийцы не имели возможности ни возвыситься, ни создать что-либо достойное памяти потомков из-за могущества тех, кому повиновались – Каролингов и германских императоров, владевших Италией до начала XIII века.

На рубеже тысячелетий город начал выходить из упадка, чему способствовали мягкий климат, выгодное местоположение и торговые способности горожан. Простившись с язычеством и с большим трудом обретя единого Бога, Флоренция неуклонно двигалась к расцвету: возводились храмы, укрепления, дворцы и простые дома, от ремесел начали отделяться искусства, из библейских историй медленно вырастала светская литература. Между тем бедствия не желали оставлять этот благодатный край, и вслед за чумой приходила засуха, голодные годы чередовались с войнами, а редкий мир нарушали междоусобицы.

К периодическим бедам добавлялись и постоянные, например обычай кровной мести, заимствованный у варваров и укоренившийся в Италии под названием «вендетта». Одно из самых крупных ее проявлений произошло в 1010 году, когда флорентийцы напали на фьезоланцев в день почитаемого теми святого Ромула. Перебив мужчин, они разрушили крепость и ушли, уверенные в своей правоте: по непроверенным данным, нападение было совершено по просьбе или с согласия императора.

Флорентийская крепость давно на почетной пенсии

После расправы обитатели Флоренции ощутили себя немного более свободными, и чувство это росло по мере того, как слабела светская власть и усиливалось влияние церкви. Когда Италия разделилась на два лагеря – одни поддерживали папу, а другие ратовали за императора – город на Арно долго сохранял единство, подчиняясь победителю, поскольку не искал ничего иного, кроме безопасности.

Однако, если вспомнить Макиавелли, «как в теле человеческом, чем в более пожилом возрасте завладевает им болезнь, тем она опаснее и смертельнее, так и во Флоренции жители поздно разделились на враждующие партии, зато больше пострадали от этого разделения». О причине первых раздоров соотечественникам поведал местный летописец Джованни Виллани в своем сочинении «Новая хроника или История Флоренции»: «...в 1177 году во Флоренции началась великая, доселе небывалая война между гражданами. Причины ее заключаются в привычке к слишком сладкой и безбедной жизни вкупе с гордыней и неблагодарностью. Дело в том что семейство Уберти, как самые могущественные и влиятельные граждане города, вместе со своими сторонниками из числа нобилей (знати) и пополанов (народа) взялись бороться с консулами, правителями и вождями коммуны, избираемыми на определенный срок и с определенными полномочиями, видимо, от зависти к неугодным им избранникам. Война была столь беспощадной и ожесточенной, что ни дня не проходило без стычек в разных кварталах...».

Капитановая башня – место заседаний глав Флорентийской коммуны

Описанная в хронике борьба происходила через столетие после того, как Флоренция добилась хартии (от лат. charta – «грамота»), узаконившей ее право называться вольным городом, или по-местному – коммуной, то есть учреждением, свободным от всякой власти, кроме народной. В начале XI века городскими делами занималась коллегия консулов, которая выступала от лица пополанов: так итальянцы называли незнатных и небогатых горожан. Подобно римскому, флорентийский консулат властвовал над городом, вершил правосудие и выносил приговоры.

Каждый из нобилей, имея замок за городской стеной, старался утвердиться в городе и делал это чисто по-итальянски, то есть возводил башню как можно более высокую, грозную с виду, дабы превзойти соседа и ущемить его самолюбие. Получив имя владельца или какого-либо городского союза, это строение в первую очередь являлось образом своего хозяина и только потом служило для обороны, что подтверждает Джованни Виллани, рассказавший о том, как фамильные башни (итал. case-torre) использовались в междоусобицах: «...граждане,

разделившись на партии, засели в башнях, которые имелись всюду. Сообща, на свои же деньги, они укрепляли их, называя башнями компаний.

Когда-то фамильных башен во Флоренции было много, но почти все они сохранились только в живописи

Наверху башен устанавливали баллисты, или камнеметы, чтобы обстреливать другие башни; таким образом город был разделен на несколько враждующих частей.

Вражда свирепствовала больше двух лет, погубила множество людей и нанесла городу великий вред. Горожане (имеются в виду противники) так привыкли к военным действиям, что один день сражались, а на другой сходились за ужином и обсуждали проявленный в бою героизм. В конце концов, воевать всем так надоело, что флорентийцы решили сложить оружие и пришли к обоюдному согласию. Но все-таки были брошены семена раздора, которые потом привели к образованию губительных партий».

Поневоле сделавшись горожанами, нобили отличались необузданностью нрава и были крайне неуживчивы. Их городские жилища – суровые, возведенные без заботы о красоте башни – вполне согласовывались с жестокими нравами. Повсюду царила грубая сила: дворяне ходили по улицам в доспехах, бряцая оружием, пуская в ход кинжалы по всякому, даже самому ничтожному поводу. Постоянное чувство опасности заставляло, как говорили, «зарываться в камень», имея в виду и городские стены, и пресловутые башни, возносившиеся ввысь из-за недостатка земли и непомерной дворянской гордости. К XIII веку Флоренция обрела около 150 таких строений. Снабженные непробиваемыми каменными стенами, узкими входами, крошечными окнами-бойницами, они позволяли легко забаррикадироваться внутри. Некоторые

из них достигали в высоту до 60 м, не давая солнечным лучам доходить до мостовой. Чтобы хоть немного изменить ситуацию, власти коммун издали закон, согласно которому семейные крепости не могли строиться выше 25 м, и некоторым особо заносчивым хозяевам пришлось уменьшить свои жилища почти на треть. В пору Возрождения большая часть домов-башен была разобрана, но некоторые, к примеру, принадлежавшая нобилям Форези, жившим на правом берегу Арно, дошли до наших дней.

Кроме всего прочего, благородные представители народа вместе с клиром выбирали епископов, а впоследствии, накопив опыт в деле управления, стали руководить коммуной, официально утвержденной в 1183 году. Немного позже, когда город разросся, умножилось его население, а вместе с ним и пороки, для руководства коммуной стали призывать дворян из других городов, «дабы мольбы, страх, небрежность и другие причины не были помехами для правосудия». Новое должностное лицо – подеста – в течение года должен был разбирать гражданские тяжбы, приводить в исполнение приговоры и осуществлять телесные наказания. При этом консулат не утратил влияния, поскольку в его ведении находились все остальные дела коммуны.

Группа заговорщиков (в центре Данте), которая пробирается по городу под покровом ночи. Средневековый рисунок

Первым подестой Флоренции стал Гвальфредотто из Милана, поселившийся в доме епископа, потому что коммуна тогда еще своих дворцов не имела. На создание первой народной резиденции Флорентийской коммуне понадобилось около 100 лет. Воздвигнутый лишь в середине XIII века и предназначенный уже не для подесты, как задумывалось вначале, а для народного вожака, или народного капитана (итал. *capitano del popolo*), он сохранился до наших дней под названием Барджелло. Вначале это сооружение представляло собой всего лишь пристройку к старой башне. Только после реконструкции, когда интерьер пополнился новыми залами, а экстерьер – внутренним двориком с прекрасными готическим лоджиями, оно могло с полным правом именоваться дворцом. Впрочем, по сути дом народного капитана был крепостью, ведь, помимо увенчанной зубцами толстой стены, ему принадлежала 50-метровая дозорная башня. Рассчитанное на оборону, здание так и осталось без парадного входа. Даже теперь, чтобы пройти в парадный зал, нужно пересечь двор и подняться по лестнице, которую вместо ополченца охраняет каменный лев. Еще один крепостной штрих – колодец посреди двора, вырытый на случай осады, а сегодня не имеющий значения иного, кроме эстетического.

Барджелло – дворец капитано дель popolo

Внутренний дворик Барджелло

Хартия, подтвердившая свободу Флоренции, решила юридический вопрос, а регулирование экономики перешло от синьора к горожанам, которых представляли все те же консулы. В совете коммуны они являлись властью исполнительной, тогда как законотворчеством занималась креденца (от лат. *consilia credentiae* – «собрание доверенных»).

В новых условиях город, кроме самоуправления, имел право чеканить монету, контролировать торговлю, назначать и собирать налоги, то есть получил мощный рычаг для расцвета всех жизненных сфер, от экономики до искусства. В 1252 году с флорентийского монетного

двора вышел первый золотой флорин и примерно тогда же перед клиентами распахнул двери первый банк.

Совместное управление городом отнюдь не решало проблему извечного противостояния богатых и бедных, знатных и обездоленных, или, применительно к Флоренции, нобилей и пополанов. Об этой войне поведал читателям превосходный хронист Джованни Виллани: «В 1199 году, когда консулами Флоренции были граф Арриго делла Тоза и его сотоварищи, флорентийцы осадили замок Фрондильяно, который поднял мятеж и начал военные действия против коммуны. Замок был взят и срыт до основания. В 1202 году, когда консулом Флоренции был выходец из древнего рода Альдобрандино Баруччи с сотоварищами, флорентийцы захватили замок Симифонти и разрушили его, а холм присоединили к владениям коммуны. В этом же году флорентийцы ходили войной на сильно укрепленный замок Комбьята, разрушив который, издали указ, запрещающий восстанавливать и его, и все предыдущие замки. В 1203 году, когда консулами во Флоренции были Брунеллино Брунелли де Раццанти и его сотоварищи, флорентийцы разрушили еще и крепость Монтелупо, а в 1207 году помогли графу Гвидо вернуть замок Монтемурло, чтобы вскоре купить его для коммуны».

Впоследствии горожане не раз благодарили Бога за то, что он ниспослал городу благородное семейство Гвидо. О происхождении династии, сыгравшей заметную роль в истории Флоренции, рассказал все тот же Джованни Виллани: «Когда-то они были знатными баронами в Германии и пришли вместе с императором Оттоном I, пожаловавшим им контадо (графство) Модильяны в Романье, где они обосновались. Потомки их так усилились, что стали господами чуть ли не всей Романьи и имели резиденцию в Равенне. Но из-за насилий, чинимых ими женам горожан, и других притеснений в один прекрасный день народ взбунтовался и прогнал их. Все они были перебиты в Равенне, и из всех удалось уцелеть только одному маленькому мальчику по имени Гвидо, который воспитывался в Модильяне и носил прозвище Кровавый из-за несчастья, приключившегося с его сородичами. Он-то и был отцом графа Гвидо старшего, от которого произошли все графы Гвиди. Граф Гвидо старший женился на дочери мессира Беллинчоне Берти де Ровиньяни, старинного и самого уважаемого кавалера во Флоренции, дома которого по наследству перешли к графам, а находились они у старых ворот Сан-Пьеро. Эту женщину звали Гвальдрада, граф увидел ее у Святой Репараты вместе с прочими дамами и девицами и избрал ее за красоту и приятное обхождение. Тогда во Флоренции был император Оттон IV, и, увидев всех городских красавиц разом, он тоже отметил эту девушку. Ее отец сказал ему, что он может ее поцеловать, но синьорина возразила, что ни один мужчина не посмеет этого сделать, не будучи ее мужем. За эти слова император очень ее хвалил, а граф Гвидо по совету Оттона взял ее в жены, несмотря на то, что она была из менее знатного рода и не имела большого приданого. Мы уделили ему так много внимания, потому что он был достойным человеком и от него произошли все графы Гвиди, а также знаменитые флорентийские фамилии Новелло, Симоне, Баттифолле, Сальватико, да Ромена, да Порчано».

Одно из предместий Флоренции, теперь уже без замков, но с красивыми виллами

В 1220 году, когда подестой во Флоренции был мессир Уго дель Гротто из Пизы, флорентийцы снарядили войско против замка Мортеннана. Замок был сильно укреплен, но осаждающие действовали хитростью. Человека, подсказавшего командиру, как его захватить, навечно освободили от всех обязательств перед коммуной, и те же права еще долго имели его потомки. Захваченная крепость, по обыкновению, была разрушена до основания.

Военную силу коммуны представляли отряды, куда входили молодые люди, обязанные являться со своим оружием и амуницией по первому зову старейшин. Каждый отряд выступал под собственным знаменем и выделялся символикой по виду вооружения: особые знаки имели арбалетчики, лучники, щитоносцы, копейщики. Командиры подразделений, как и главы коммуны, выбирались сроком на 1 год. «Чтобы с большей пышностью оснастить войско и в то же время дать возможность всем, кого в сражении потеснит враг, быстро найти место сбора и ринуться в бой с новыми силами, флорентийцы постановили, что войско всегда должна сопровождать колесница, запряженная быками в красных попонах, а на ней должно развеваться красно-белое знамя. За день до похода колесницу доставляли на Новый рынок и в торжественной обстановке вручали народу. А чтобы все начинания выглядели еще блистательнее, у них имелся колокол, названный Мартинелл, в который били в течение месяца перед началом похода с целью дать неприятелю приготовиться к защите» (Николло Макиавелли. «История Флоренции»).

Многое из того, чем сражались флорентийские ополченцы, выставлено в залах Национального музея, с недавних пор действующего во дворце Барджелло. Сегодня сюда приходят, чтобы окунуться в мир старинных вещей, увидеть оружие, каким пополаны крушили своих врагов. В контраст разрушительной силе здесь имеется великолепная скульптура, в том числе некоторые работы Микеланджело Буонароти. Глядя на немыслимо прекрасные произведения старых мастеров, невольно приходит мысль о том, что резец в руке талантливого скульптора

мог бы стать оружием более действенным, чем обнаженный клинок, правда, если бы люди научились вовремя ценить то, чем владеют благодаря искусству. Как часто бывает, человек с трепетом собирает архаичные осколки, в то же время без жалости круша то, что создается его гениальными современниками. Вопреки известному высказыванию, красота не спасла древнеримский мир и никак не повлияла на страсти итальянского Средневековья, когда брат убивал брата вблизи творений, которые сегодня повергают в шок, покоряют без намека на насилие, вызывают благоговейное отношение не только к самим авторам, но и к нации, так близко подошедшей к идеалу. Во времена коммуны флорентийцы, к сожалению, этого не понимали и со всей страстью отдавались политике – делу, как им представлялось, более важному, чем причуды «презренных артистов».

Милый Сан-Джованни

Несмотря на суровые условия жизни, флорентийцы не забывали о Боге, поэтому храмы строили в любые времена и с похвальной тщательностью. Одно из первых значительных зданий в городе – баптистерий Иоанна Крестителя (итал. battistero San-Giovanni Battista) – было построено из частей и материалов других зданий предположительно в V веке. Судя по названию, оно возводилось в качестве капеллы для крещения при базилике, но хронисты уже тогда называли его главным храмом Флоренции. Таковым Сан-Джованни являлся до XII века, пока не испытал большую переделку, в итоге не сохранив ничего, кроме древней восьмигранной формы.

Во Флоренции память об античной культуре не угасала никогда, поэтому отдельные ее элементы постоянно оживали в различного рода постройках, правда, без присущих Риму величия и помпезности. Новый баптистерий, появившийся на центральной площади города, предстал перед прихожанами по-тоскиански камерным, исполненным изящества и гармонии. Таким же он остался и 1000 лет спустя, когда обрел облицовку из белого и темно-зеленого мрамора, подчеркнувшую невесомость тройных полукруглых арок, которые опирались на пилястры, увенчанные коринфскими капителями с пышным листовым узором. Античная апсида была перестроена намного раньше. Еще в Средневековье она сменила старую полукруглую форму на более современную прямоугольную, а прежний суровый интерьер – на роскошный, с византийскими мозаиками, мерцавшими золотистой смальтой. Все настенные картины, по обыкновению, изображали библейские истории. Особенно впечатляла грандиозная фигура Иисуса Христа, разделявшего праведников и грешников в вертикальной композиции «Страшный суд» над триумфальной аркой. На остальных, большей частью горизонтальных мозаиках красовались мозаичные истории Предтечи, Христа, святого Иосифа и сцены из Книги Бытия. Пол крещальни был выложен кусочками разноцветного мрамора. Галерея Матронео (от лат. matrona – «женщина»), окаймлявшая стены баптистерия на высоте, равной половине высоты всего сооружения, вначале была единственным местом, где разрешалось находиться женщинам.

Баптистерий Сан-Джованни

Данте, изображенный на фоне родной Флоренции

Именно таким, красивым и уютным, запомнил баптистерий крещенный в нем весной 1265 года Данте Алигьери. Находясь в изгнании, великий поэт тосковал о «милом Сан-Джованни» так же сильно, как о безвременно сошедшей в могилу Беатриче, которая умерла, будучи женой банкира Симона Барди, так и не побывав в его объятьях. Современники Данте заходили в церковь через южные, обычно всегда распахнутые двери со створками работы Андреа Пизано. Составленные из 28 рельефных панелей из бронзы, они представляли взору сцены из жизни Иоанна Крестителя и связанные с ним изображения основных добродетелей.

К сожалению, поэт не мог видеть новые, намного более художественные ворота, появившиеся у северного входа почти через столетие после его смерти. Мастер Лоренцо Гиберти трудился над ними 23 года (1401–1424). По примеру Пизано, он придерживался готического стиля и также выполнил 28 заключенных в рамки рельефов с сюжетами из Нового Завета, но с фигурами четырех евангелистов и учителей церкви. Еще не закончив северные врата, Гиберти приступил к созданию восточных, на которые потратил почти 30 лет и, как оказалось, не напрасно, поскольку его второе произведение сегодня считается шедевром ренессансного искусства, в отличие от первого, не имеющим аналогов. Решив изменить композицию, художник разделил каждую дверь на 10 пластических картин уже без рамок, изобразив самые эмоциональные библейские сцены. В этой работе Гиберти показал виртуозное владение резцом, проявив сдержанность и безукоризненный вкус, чем, как известно, отличались великие скульпторы Античности. Кроме того, изображения удивляют глубокой перспективой, что вкупе со сверкающей золотом поверхностью делало восточную дверь похожей на Райские врата (итал. Porta di Paradiso), как спустя полвека назвал работу своего коллеги Микеланджело и как восточные двери баптистерия именуются до сих пор.

Скромные бронзовые двери Андреа Пизано

...и Порта ди Парадизо – Райские врата Гиберти

Церковь Санта-Тринита никогда не будила воображения поэтов, хотя была очень старой (XI век), имела таинственно-суровый вид снаружи и такой же интерьер. Не раз менявшая вид и расширявшаяся, она принадлежала монастырю бенедиктинцев и занимала удобное место между улицей Торнабуони и одноименной переправой через Арно, которая со временем преобразилась в изящный мост.

Автором проекта по перепланировке в XIII веке предположительно был Андреа Пизано. Созданный им аскетичный фасад сохранился до сих пор, но внутри Санта-Тринита сильно изменилась, засияв чистыми красками фресок Нери ди Биччи («Мадонна со Святыми», 1491), Лоренцо Монако («Благовещение», 1425) и Гирландайо («Поклонение пастухов», 1485). Только внимательный взгляд отметит средневековую сдержанность в статуях фамильной капеллы Сассетти (автор Джулиано да Сангалло) или в ближайшей к главному алтарю капелле, украшенной триптихом Мариотто ди Нардо, в которой под мраморным надгробием покоится Беноццо Федериги – епископ Фьезоле, увековеченный резцом превосходного мастера Кватроченто Луки делла Роббиа.

Одним из лучших произведений проторенессансного искусства ныне считается храм Сан-Миньято на горе, где некогда располагались Верхние Фезулы и где, по легенде, принял мученическую смерть святой Миньято. Церковные анналы называют этим именем армянского царевича, служившего в римском легионе и погибшего от рук варваров, не пожелав отречься от христианской веры. Часовня на месте его казни стояла еще с античных времен, а в 1018 году вместо полусгнившего деревянного строения заботами епископа Гильдебранда появилась каменная базилика, то есть собственно храм Сан-Миньято. Вначале он принадлежал монахи-ням-бенедиктинкам, но с 1373 года стал собственностью мужского братства того же ордена. Его строили, перестраивали и украшали еще 300 лет, пока фасад не приобрел благородный вид отчасти из-за формы, но в большей мере из-за цвета: облицовка белым и зеленым мрамором усилила яркость красок настенной мозаики «Христос на троне между Марией и Миньято». Конструктивной особенностью здания стали арки нижнего яруса, чьи пропорции вместе с приемом наложения на стену создали ощущение легкости.

Церковь Сан-Миньято на горе

Интерьер Сан-Миньято являет собой превосходный образец флорентийской романики

Интерьер Сан-Миньято – превосходный пример флорентийской романики: три нефа, стропильное перекрытие, полы в виде мраморной мозаики со знаками зодиака и аллегорическими животными. Позже, примерно в XIII–XIV веках, храм на горе украшал Таддео Гадди, ученик прославленного Джотто, оформивший стены церкви фресками. Тогда же появилась крипта, но не подземелье для погребения святых и мучеников, как в раннехристианских ката-

комбах, а обширное сводчатое пространство внутри зала, отведенное для знатных покойников и, что совсем необычно, приспособленное для богослужения.

Реставрационные работы почти не коснулись старого алтаря, где с давних времен хранятся мощи святого Миньято. По-прежнему вызывает восхищение высокий пресбитерий (место старейшин) в середине хоров, оборудованный сиденьями из резного дерева и красивой резной кафедрой еще в 1207 году. Немногим старше большая мозаика «Христос на троне» в куполе апсиды, изумляющая титанической работой и красками, за 700 лет нисколько не утратившими свежести. Спустившись по лестнице от пресбитерия, можно попасть в капеллу Святого Иакова, иначе называемую Часовней португальского кардинала. Ее расписывал Антонио Манетти и далее оформлял Лука делла Роббиа, дополнивший картины медальонами «Святой Дух» и «Основные добродетели». Мраморное надгробие на могиле самого кардинала – одна из лучших работ Антонио Росселлино.

Легко догадаться, что прекрасный эмалевый свод выполнен мастером Лукой делла Роббиа, который прославился своими рельефами из обожженной глины. Покрытые цветной глазурью, они выглядели очень красиво, хотя для своего времени странно, что не помешало их автору создавать подобное на заказ и в большом количестве. Его работы – глазурованные саркофаги, скульптура алтарей, люнеты над дверями и окнами – украшают многие тосканские церкви. Их можно увидеть и в знаменитом Воспитательном доме, благо керамикой в семье Луки занимались многие, в частности его племянник, тоже известный мастер, Андреа делла Роббиа с сыновьями Джованни, Лукой и Джироламо.

Справа от церкви Сан-Миньято находится Епископский дворец – бывшая летняя резиденция духовного главы Флоренции, превращенная за ненадобностью в монастырь, затем в госпиталь и, наконец, перешедшая к иезуитам.

Черты новой, романской архитектуры нетрудно заметить и в городской церкви Санти-Апостоли. Считается, что ее основал Карл Великий во времена, когда флорентийцы жили неприметно и скучно, не умея забавляться ничем, кроме драк с соседями. Хронисты впервые упомянули о ней в 1075 году, и с тех пор здание, как ни странно, почти не изменилось. Приземистое, лишенное фасадных украшений, с крайне аскетичным интерьером, чуть оживленным двумя рядами колонн, позаимствованных на развалинах римских терм, оно проникнуто унылым духом раннего Средневековья. Между тем ярко выраженный романский стиль Санти-Апостоли стал образцом для подражаний столь многочисленных, что теперь ее скромные формы можно узнать даже в самых пышных флорентийских церквях.

Понте Веккио

В 1220 году в местечке Каррайя завершилось строительство моста, который назвали Новым, потому что до него во Флоренции мост был всего один. Каменный, привлекавший взгляд тремя изящно изогнутыми арками, вначале он не имел никакого названия, но после появления второй переправы через Арно получил непритязательное имя Понте Веккио, что в переводе с итальянского означает всего лишь «Старый мост». Соединивший берега реки неподалеку от площади Синьории в 1170 году, он служил не только для переправы, но и в качестве рынка, давая приют мясным и рыбным лавкам. Когда рядом с ними расположились другие, не слишком полезные заведения, например ювелирные и парфюмерные магазинчики, это место стали называть раем для женщин и адом для мужчин: здесь работали самые искусные ювелиры Италии. Не случайно на Понте Веккио был установлен бронзовый бюст великого золотых дел мастера Бенвенуто Челлини, которого итальянские ювелиры издавна считают своим земным покровителем. Во время Второй мировой войны отступавшие гитлеровские войска взорвали все городские мосты за исключением Старого, и тот благополучно дожил до наших дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.